

3. В некоторых случаях употребление предлога детерминируется не одним компонентом модели, а их сочетанием.

4. При идентичной лексико-грамматической характеристике всех компонентов модели и тождественности их экстралингвистической соотнесенности оба предлога употребляются как абсолютные синонимы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключина А.М. Средства выражения пассивности в английском языке в синхронии и диахронии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013. 25с.

2. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка (The Structure of Modern English). Л.: Просвещение, 1965. 378с.

3. Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire. Great Britain, 2000. 596p.

4. Galsworthy J. The Man of Property. Капо, 2011. 608p.

5. Стойкович Г.В., Стойкович Л.Ю. Английские глаголы речепроизводства в лингвокогнитивном аспекте// Лингвистика и межкультурная коммуникация. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. С.258-274.

SOME SEMANTIC FEATURES OF THE PREPOSITIONS "BY" AND "WITH" IN ENGLISH SENTENCES WITH PASSIVE CONSTRUCTIONS

© 2013

A.M. Klyushina, candidate of philological sciences, associate professor of the department of «Foreign languages, associate professor of the department of «English language and foreign languages teaching methodology»

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Annotation: The prepositions "by" and "with" show similarity in meaning when used to denote an agent or an instrument. The present paper is an attempt to demonstrate the influence of the lexical and grammatical characteristics of the passive construction components on the choice of the preposition.

Keywords: the category of voice, the passive voice, the passive construction, the prepositions "by" and "with".

УДК 902

О ПРЕДПОЗДНЯКОВСКОМ СУБСТРАТЕ ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2013

А.И. Королев, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: Поводом для статьи послужили результаты исследований поселения поздняковской культуры Дмитриевская Слобода II. На территории поздняковской культуры располагались памятники примокшанского, шагарского и фатьяноидного типов. Примокшанский тип как локальный вариант возникает в результате продвижения иванобугорской культуры на Цну, Мокшу, Оку. Погребения Шагарского могильника связаны с иванобугорской культурой. В предпоздняковское время устанавливаются контакты примокшанского, фатьяноидного и репинского населения и складывается предпоздняковский субстрат. В дальнейшем с приходом срубной культуры на основе взаимодействия с местным субстратом формируется поздняковская культура.

Ключевые слова: поселение Дмитриевская Слобода II, поздняковская культура, предпоздняковский субстрат, иванобугорская культура, примокшанский тип, шагарский тип, фатьяноидный тип, репинский тип.

В 2006-2007 гг. было исследовано поздняковское поселение Дмитриевская Слобода II, в керамике которого зафиксирован ряд ранних признаков. По материалам поселения, была получена первая серия радиоуглеродных дат, среди которых есть ранние определения, соответствующие XVII-XVI вв. до н.э. Они частично опубликованы [1, с. 329-344]. В связи с этим особый интерес приобрел вопрос о соотношении вновь полученных данных с материалами культур, соответствующих представлениям о времени и месте формирования поздняковских древностей. Сравнительная характеристика проводилась, прежде всего, по керамике – наиболее изученному массовому составу инвентаря. Керамика поселения Дмитриевская Слобода II изготавливалась из глинистого сырья с естественной примесью оолитов бурого железняка, песка. В качестве искусственной примеси применялся шамот, органические добавки (раствор), единично отмечена дресва, раковина. Формовали сосуды от днища ленточным способом, ширина лент до 10 см. Цвет фрагментов снаружи коричневатый с темными пятнами, в отдельных случаях красноватый, изнутри – темно-серый. Поверхность хорошо заглажена, но встречаются сосуды, покрытые расчесами. Часть сосудов восстановлено до полного профиля, часть реконструирована по крупным венчикам. Вся посуда плоскодонная. По форме выделено 5 основных групп. Первый тип – профилированные сосуды с цилиндрическими или раструбовидными венчиками высотой до 2 см - 2,5 см и округлым туловом. Они представлены небольшим количеством. Второй тип – горшковидные сосуды с плавной профилировкой. Венчики часто немного с утолщениями, но нередко и

утощенные. Такая форма является преобладающей среди профилированных сосудов. Третий тип – остро-реберные сосуды с резким перегибом тулова. Они менее распространены. Четвертый тип – непрофилированные сосуды (баночной формы) с прикрытым венчиком и почти прямым туловом: относятся к числу распространенных форм. Пятый тип – банки с прямым или слегка открытым венчиком и сильно сужающимися к дну стенками. Непрофилированные сосуды относятся к числу распространенных. Есть четырехугольная в плане ритуальная посуда. Различаются сосуды также по размерам от миниатюрных с диаметром венчиков 8-10 см до крупных – с диаметром 35-40 см.

Сосуды орнаментировались преимущественно в верхней трети высоты. Довольно распространенной была практика орнаментации среза венчика, чаще у горшковидных форм. Изредка украшалась придонная часть. Основная часть фрагментов керамики не орнаментирована. Элементы орнамента разнообразны. Ямочный круглый глубокий с плоским, округлым, острым дном, нанесенный различными инструментами. Жемчужный, выдавленный теми же инструментами, но с внутренней стороны. Гребенчатый, отмечено использование как короткой мелкозубой, так и длинной гребенки. Иногда такой штамп оттискивался под углом, оставляя смазанные отпечатки. Ямчатый в виде менее глубоких вдавленных треугольной, квадратной, семечковидной, овальной формы, узких насечек, кружковой (отпечатки полой кости), прочерченный, шнуровой.

В расположении орнамента полностью преобладает горизонтальная зональность. Мотивы представляют

собой ряды оттисков гребенчатого, гладкого штампа, ямок или жемчужин – это наиболее распространенный вид рисунка. Часто представлены пояски прочерков, гребенки, насечек, шнура, однорядный и многорядный горизонтальный зигзаг. Реже встречаются треугольники, выполненные гребенкой, насечками, ямками, сетка из перекрещивающихся полос гребенки или прочерков, меандры. Встречены вертикальный зигзаг, крест, паркетный мотивы.

Керамика примокшанского типа в примеси содержит песок (или изготавливалась из сильно запесоченных глин). Отмечен также шамот, раковина, дресва, органика. Цвет посуды снаружи песочно-коричневый, серый, красновато-коричневый. Поверхность сосудов тщательно заглаживалась. Днища сосудов плоские и округлые. Формы венчиков разнообразные: встречаются равные по толщине стенкам, преобладают утолщенные как с внутренней, так и с наружной стороны. Срезы венчиков округлые, приотстренные, скошенные, плоские. Часто в коллекциях встречаются желобчатые венчики с защипами и валиками. Выделяются профилированные и непрофилированные формы. Горшковидные сосуды с цилиндрическим и отогнутым венчиком и наличием ребра в месте соединения с туловом; горшковидные сосуды с цилиндрическим и отогнутым венчиком и плавной профилировкой; баночные прямостенные или приоткрытые; чашевидные. Преобладают профилированные горшковидные формы.

Орнамент чаще располагается в верхней части сосуда, но может покрывать всю внешнюю поверхность: часто украшался срез венчика, его внутренняя поверхность.

Преобладающим элементом являются оттиски короткого гребенчатого штампа. К числу распространенных элементов относятся оттиски гладкого штампа, ямчатые вдавления с плоским дном ромбической, треугольной, округлой, полукруглой, овальной формы, прочерченные линии, встречаются пальцевые защипы, шпечки, шнуровые отпечатки. Орнамент расположен в горизонтальной зональности. К характерным мотивам орнамента относятся: горизонтальные пояски оттисков гребенчатого штампа и прочерченные линии, ряды оттисков гребенки с наклоном вправо и влево, горизонтальные ряды ямчатых вдавлений, часто нанесенные в «шахматном» стиле, горизонтальный однорядный или двухрядный зигзаг, выполненный оттисками гребенки; горизонтальные ряды оттисков гребенчатого штампа, образующих ромбы. Встречаются заполненные гребенкой, двузубыми вдавлениями треугольники, защипы и шпечки по венчику, горизонтальные полосы шнура. Как правило, орнаментация создает геометрически правильный узор. Есть и неорнаментированные сосуды.

Сравнение характеристик поздняковских и примокшанских гончарных традиций позволяет установить наличие общих признаков. К их числу относятся: использование запесоченных глин или примесь песка, примесь шамота, отмеченная в примокшанской керамике и характерная для поздняковской; наличие раковины и органики в керамике обеих групп. Для обеих групп характерны плоские днища и преобладание горшковидных сосудов, наличие острореберной керамики. В поздняковской посуде иногда встречаются раструбовидные венчики с ребром в месте соединения с туловом. В орнаментации близок ряд форм штампов. Аналогичны и некоторые орнаментальные узоры, например, сочетание горизонтальных прочерченных полос под венчиком и горизонтальной елочки из нарезок, заштрихованные треугольники, горизонтальный зигзаг. Выявленные различия также существенны. Сосуды высоких пропорций с цилиндрическим венчиком, расчески по поверхности, ямочно-жемчужная орнаментация, меандры, кресты – характерны только для поздняковского комплекса. Для поздняковской керамики не типичны утолщенные венчики сложной формы, ромбический орнамент. В связи

с ромбическим мотивом необходимо отметить, что погребение № 35 могильника Фёфелов Бор, содержащее сосуд, украшенный короткой гребенкой, составленной в ромбы, наряду с погребениями №№ 44, 47 было отнесено Т.Б. Поповой к предпоздняковскому времени и датировано XVIII - XVI вв. до н. э. [2, с.135-136]. После открытия могильника примокшанской культуры Широмазово II на Нижней Мокше появилась возможность связать эти погребения, как и погребение № 33, с примокшанскими погребениями Широмазовского могильника [3, с.87-88; 4, с.5-22].

С накоплением данных о материалах, предшествующих поздняковским памятникам эпохи бронзы, Т.Б. Поповой было высказано предположение о «предпоздняковской» культуре [5, с.169]. При исследовании поселения Логинов Хутор была найдена примокшанская керамика [6, с.229, рис. 4: 1-4]. Она была отнесена к предпоздняковскому времени. Большое значение имеют работы В.П. Челяпова на поселении и могильнике Лебяжий Бор. В насыпи поздняковских курганов содержится примокшанская керамика с защипами по венчику, орнаментированная ромбическими ямками, гладкими вдавлениями, шнуром, короткой гребенкой. Один из венчиков, украшенный гребенчатым штампом, составленным в ромбические мотивы [7, с.91, рис.7:2], аналогичен керамике Широмазовского могильников и поселения Воймежное и позволяет их синхронизировать. Наиболее полная сводка примокшанских памятников приведена В.П. Челяповым [8, с.378-386]. Самые западные памятники находятся к юго-востоку от р.Солотча: восточные располагаются на верхней Мокше. Северная граница может быть намечена по поселению Воймежное [9, рис. 86]. Южная граница определяется не так отчетливо. Она проходит по р.Цне, составляющей единый водный бассейн вместе с Мокшей и Окой. Подзоровская стоянка приурочена к верховьям р.Вороны и относится уже к другой гидросистеме - Донской. А.Т.Синюк, картографируя памятники иванобугорской культуры, включил Средне и Верхнедонской регион в ареал их распространения, отмечая при этом, что иванобугорская керамика выявлена на рр.Цне, Мокше и их притоках [10, 1996, с.68]. По сути, территории этих культур перекрываются и при их явном типологическом единстве справедлива точка зрения В.В.Ставицкого о том, что примокшанские памятники являются локальным вариантом иванобугорской культуры [11, 2001, с.142-143]. Иванобугорская культура определена А.Т.Синюком, как пережиточно энеолитическая [10, с.64]. Такое определение хорошо отражает археологический контекст периода второй половины III – начала II тыс. на территории Среднего и Верхнего Дона. К близкому выводу о существовании иванобугорского населения в лесостепном Подонье в период с середины III тыс. до XVII в. до н.э. пришел А.М.Скоробогатов [12, с.16]. Сдвиг иванобугорского населения на Цну, Мокшу и Оку происходит уже после того, как сложились основные культурообразующие признаки. В дальнейшем материалы иванобугорской культуры, изученной преимущественно по поселенческой керамике, видоизменяются, приобретая катакомбные и воронежские черты [13, с.43-44]. Часть носителей иванобугорской культуры, мигрировавшая к северо-востоку, оказалась в другой этно-культурной ситуации на Оке и Мокше. Продвижение населения на эти территории видимо проходило в раннее время складывания культуры. Об этом свидетельствует керамика с преобладанием ранних черт, выявленная в этих регионах. В связи с поднятой темой необходимо коснуться некоторых вопросов изучения шагарской культуры [14, с.27-57], с распространением которой в конце III - начале II тыс. до н.э. прекращаются волосовская и дубровичская культуры, а с XVIII в. до н.э. начинается продвижение на эту территорию фатьяновской [15, с.18-19; 16, с.344-351]. Сосуды Шагарского могильника формой и орнаментацией близки ранней керамике

Иванобугорского могильника. Эту близость отметила Е.Д.Каверзнева [14, с.55]. В ходе дальнейшего изучения могильника было открыто еще два коллективных погребения. В одном из них располагался миниатюрный остроереберный сосуд с ромбическим орнаментом [17, с.63, рис.3], находящийся аналогии в иванобугорской керамике. В.П.Челяпов в результате анализа материалов Шагарского могильника, погребений у Одовских ферм и погребений на территории поселения Большой Лес II, пришел к выводу об их принадлежности примокшанской (иванобугорской) культуре [8, с.378-386]. Вместе с Широмазовским и Иванобугорским могильниками они позволили составить представление о погребальном обряде. Близкое сходство материалов могильников может объясняться лишь продвижением нового населения на Оку в ранний период иванобугорской культуры. По мнению В.В.Ставицкого, в складывании шагарской культуры ведущую роль сыграл примокшанский компонент [18, с.171-173]. Указание на то, что Шагарский могильник был сооружен на заброшенном шагарском поселении, и могильные ямы частично прорезали жилища, видимо, свидетельствует о том, что его оставило другое население. Сложно представить, чтобы погребения сооружались на месте собственных заброшенных жилых построек. Это мнение подтверждается и результатами радиоуглеродного датирования, их уместно привести. Даты, полученные по погребениям, значительно моложе дат полученных для поселения: ГИН 5452 – 3500±150; ГИН 5453 – 3660±50; ГИН 5454 – 3650±50; ГИН 5455 – 3760±50 л.н. Даты, полученные по материалам жилища Шагара I: ГИН 5467 – 4310±60 и ИГАН 1110 – 4660±120 – вполне соответствуют волосовско-дубровицкому времени и противоречат культурному единству могильника и поселения [15, с.7, 16]. Даты по погребениям могильника могут быть приняты для уточнения времени появления иванобугорского населения на Оке. Косвенным признаком прихода нового населения могут быть многочисленные травмы на черепах погребенных в коллективном захоронении Шагарского могильника. Они долихокранные и отличаются от брахикранных погребенных в индивидуальных ямах [19, с.27-158-171].

Примокшанье в конце III тыс. до н.э. было занято носителями имерской культуры, которая по некоторым оценкам могла существовать здесь и в первой четверти II тыс. до н.э. Ее распространение завершает развитие местного волосовского населения [20, с. 337-343]. В свою очередь, поселения с имерскими комплексами перекрываются примокшанскими и баланово-фатьяновскими материалами [18, с. 149-196]. Отдаленное сходство можно проследить в примокшанских и имерских материалах, прежде всего в наличии утолщенных венчиков, распространении прочерченной орнаментации в керамике. Однако их детальный анализ показал, что сходство между ними имеет эпизодический, а различия – системный характер. Продолжительное археологическое изучение региона полностью подтвердило вывод П.Д.Степанова о том, что, материалы примокшанского типа не имеют местных истоков и связаны с Донским регионом [21]. Несмотря на локализацию памятников примокшанского типа, в керамике с течением времени появились новые элементы, которые очевидно свидетельствуют о сохранении связей мигрантов с «прародиной». Так, поздняя примокшанская керамика Теньгушевского городища [22, с. 400-404, рис. 191-195] очень близка иванобугорской посуде Мостища, особенно группам Б, В, Г [13, с.23-42] и Курино I [23, с.36, рис.5]. Параллелизм в развитии гончарных традиций проявляется и в некотором обеднении орнамента, распространении прочерченной орнаментации, пальцевых защипов, гладкого штампа и на Дону, и в Окско-Мокшанском междуречье. Накопление новых признаков в керамике, свидетельствующих о влиянии катакомбной культуры, стало основанием для выделения двух хронологических этапов

примокшанских древностей [11, с.138-143]. Большое значение для уточнения хронологии и дальнейших судеб примокшанских материалов имеют результаты раскопок поселения Широмазово I. В.В.Гришаковым и В.В.Ставицким было установлено сосуществование и взаимодействие фатьяново-балановского и примокшанского населения [24, с.27-33]. В.В.Ставицкий приходит к выводу о формировании в результате этого взаимодействия чирковского комплекса. Дальнейшая судьба восточной группы примокшанских древностей исследователю видится в составе чирковской культуры, в то время как западная была поглощена поздняяковской [22, с. 164-166]. Следует отметить также широкое распространение в лесной полосе поселенческих материалов фатьяноидного типа. Для фатьяноидной керамики характерна тщательная орнаментация мелкими гребенчатыми штампами, ямчатыми вдавлениями. Орнаменты в фатьяноидном стиле есть и в поздняяковской керамике. Такие сосуды встречены и в могильниках поздняяковской культуры [25, с.231, рис.69: 7]. С поселения Лебяжий Бор 6 происходит серия сосудов в формах и орнаментации, в которых присутствует сочетание признаков фатьяноидной керамики, репинской, примокшанской и, возможно, абашевской [26, с.23-24, рис.10-11]. Фатьяноидные черты выражаются в шарообразных пропорциях сосудов с цилиндрическим или раструбовидным венчиком, мелкозубчатой орнаментации. Как представляется, в материалах этого поселения зафиксирован сплав нескольких культурных традиций в период формирования поздняяковской культуры.

Более раннее время существования примокшанских памятников относительно поздняяковских зафиксировано многократно [8, с.378-386]. Несколько более ранняя хронология примокшанской культуры, ряд близких черт в керамике, наличие примокшанских погребений в поздняяковских могильниках позволяют предполагать участие ее носителей в формировании поздняяковской. Территория распространения поздняяковских памятников частично совпадает с ареалом примокшанских, но она более обширная и в целом «сдвинута» к северу. В ареале распространения примокшанского типа не происходит складывания материалов, аналогичных воронежской культуре. Функционирование примокшанских поселений, которое не прервалось с приходом фатьяново-балановского населения, закончилось вместе с распространением поздняяковской культуры.

Примокшанский компонент в поздняяковской культуре улавливается, но не позволяет установить источник появления ранних форм посуды несколько вытянутых пропорций с округлым или небольшим плоским дном, раструбовидными или цилиндрическими высокими венчиками, ямочно-жемчужной орнаментацией. Такая керамика известна на поселении Логинов Хутор [6, с.226, рис. 2], из погребений №№42, 52, 66 могильника Фелелов Бор 2, с.135-136], на поселении Лебяжий Бор 6 [26, с.23, рис.10]. Наиболее вероятным источником такого влияния следует считать материалы репинской культуры. В ее керамике присутствуют не только отмеченные ранние черты, но и расчески на внешней поверхности, орнаментация коротким гребенчатым штампом, шнуром, гладким штампом, прочерченными линиями, клиновидными ямками. Керамика репинского типа довольно разнообразна по примесям (раковина, песок), формам венчиков (высокие, низкие, прямые, отогнутые, приостренные и равные по толщине стенкам), обработке поверхности (заглаженная, с расчесами), орнаментации. Эти признаки проявляются уже на начальном этапе поздняяковской культуры и во многом определяют облик поздняяковской керамики на всем протяжении существования культуры. Предпоздняяковский, по Т.Б.Поповой, этап интересен тем, что на территории будущей поздняяковской культуры сосуществуют носители примокшанского, позднего репинского и фатьяноидного типа. Вероятно, между

носителями фатьяноидного и примокшанского типа поддерживались контакты, зафиксированные еще в материалах поселения Широмазово 1, а иванобугорское и позднерепинское население было связано родством происхождения. В регионе складывается общность различных культурных типов – местная основа поздняковской культуры с преобладанием позднерепинских традиций, на которую впоследствии накладывается мощное нивелирующее воздействие срубной культуры. Современные исследования в лесостепи Донского региона и активная публикация ранее полученных материалов подтверждают широкое распространение материалов репинского типа на территории Донской лесостепи [27, с. 254-257; 28, с. 69-79]. Именно в этом регионе репинская керамика отличается разнообразием форм сосудов и орнаментации. Имеющиеся разработки подтверждают ее существование здесь до конца III тыс. до н.э. [29, с. 264-277]. Представляется, что необходимо вернуться к сформулированной А.Т.Синюком гипотезе о возможном участии материалов типа Репин Хутор в формировании поздняковской культуры [30, с.17-18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронин К.В. Комплексы бронзового века поселений Песочное -1 и Дмитриевская Слобода II // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь: Триада, 2013. С.329-344.
2. Попова Т.Б. Грунтовый могильник поздняковской культуры под Рязанью // Наследие В.А.Городцова и проблемы современной археологии // Тр. ГИМ. Вып. 68. М.: ГИМ, 1988. С.101-137.
3. Королев А.И. Грунтовые погребения допоздняковского времени с Нижней Мокши // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции. Пермь: ПГУ, 2003. С. 87-88.
4. Королев А.И., Ставицкий В.В. Поселение и могильник эпохи раннего металла у с.Широмасово // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып.3. Саранск: МГПИ, 2009. С.5-22.
5. Попова Т.Б. Племена поздняковской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ. Вып. 44. М.: Советская Россия, 1970. С. 154-230.
6. Попова Т.Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. С.222-235.
7. Челяпов В.П., Могильник Лебяжий Бор на реке Мокше (раскопки 1994 года) // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1996. С.80-103.
8. Челяпов В.П. Памятники примокшанской культуры на Средней Оке // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь: Триада, 2002. С. 378-386.
9. Алешинская А.С., Воронин К.В., Лаврушин Ю.А., Сидоров В.В., Спиридонова Е.А., Энгватова А.В. Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М.: КНЦ ПЭ ИЭиА РАН, 1997. 274 с.
10. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: ВГПУ, 1996. 351 с.
11. Ставицкий В.В. Периодизация и хронология примокшанской культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: НТЦ, 2001. С.138-143.
12. Скоробогатов А.М. Энеолитические памятники Донской лесостепи. Автореф. дисс. канд. наук. Воронеж: ВГПУ, 2011. 22 с.
13. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж: ВГПУ, 2001. 191 с.
14. Каверзнева Е.Д. Керамика озерной Мещеры эпохи энеолита-ранней бронзы // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85. М.: ГИМ, 1994. С.27-57.
15. Каверзнева Е.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников эпохи энеолита-ранней бронзы озерной Мещеры // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 96 М.: ГИМ, 1998. С.5-19.
16. Фоломеев Б.А., Челяпов В.П. Этнокультурная ситуация в бассейне Средней Оки в энеолите (середина III – рубеж III-II тыс. до н.э.) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 344-351.
17. Каверзнева Е.Д. Погребение с ладьей-колыбелью из Шагарского могильника эпохи бронзы // Образы времени: из истории искусства. Тр. ГИМ. Вып. 189. М.: ГИМ, 2012. С.57-63.
18. Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ, 2006. 202 с.
19. Яблонский Л.Т. Краниология Шагарского могильника // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85. М.: ГИМ, 1994. С.158-172.
20. Королев А.И. К вопросу о финале волосовской культуры в Сурско-Мокшанском междуречье // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Тверь: ТГОМ, 2000. С.337-343.
21. Степанов П.Д. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши // КСИИМК. Вып. 59. 1955. С.66-73.
22. Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы. / Ред. В.В.Ставицкий, В.Н.Шитов. Саранск: НИИ гуманитарных наук при правительстве республики Мордовия, 2008. 552 с.
23. Синюк А.Т., Бессуднов А.Н. Новые материалы к характеристике культур энеолита-бронзового века Верхнего Придонья (по результатам раскопок поселения Курино 1) // Археологические памятники лесостепного Придонья. Липецк: ЛГПИ, 1996. С.30-59.
24. Гришаков В.В., Ставицкий В.В. Первое жилище поселения Широмазово 1 на Нижней Мокше // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: ВГПУ, 2002. С.27-34.
25. Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С.131-135.
26. Челяпов В.П., Ставицкий В.В. Многослойное поселение Лебяжий Бор 6 на Нижней Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1998. С.6-26.
27. Смольянинов Р.В., Свиридов А.А., Дубровский П.Я. Энеолитическое поселение Пристань 1 на Верхнем Дону // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Тверь: Триада, 2011. С.254-257.
28. Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое озеро. Липецк: Липецкое издательство, 2000. 159 с.
29. Скоробогатов А.М. Энеолит бассейна Верхнего и Среднего Дона в свете новых данных // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь: Триада, 2013. С.264-278.
30. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА, №4, 1981. С.8-20.

Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ (№12-01-00358а)

Annotation: This article is based on the results of research of Pozdnyakov culture settlement Dmitriev Sloboda II. The ceramics of this culture contains early features. Previously on the territory of Pozdnyakov culture there were the artifacts of Primokshan, Shagar and Fatyanoid types. Primokshan type is local and appears as a result of promotion of Ivanobugor culture to the area of Tsna, Moksha, Oka. The burials of Shagar type are associated with Ivanobugor culture. At the period of Pre-Pozdnyakov culture contacts of Primokshan, Fatyanoid and Repin population are established and Pre-Pozdnyakov substrate is formed. Later the period of Carcass culture comes and its interaction with the local culture substrate Pozdnyakov culture is formed.

Keywords: Dmitriev Sloboda II, Pozdnyakov culture, Pre-Pozdnyakov substrate, Ivanobugor culture, Primokshan type, Shagar type, Repin type.

УДК 94(3)

ОРГАНИЗАЦИЯ РИТУАЛОВ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ В ЭЛЛИНСКОМ СВЯТИЛИЩЕ

© 2013

Ю.Н. Кузьмина, кандидат исторических наук.
Институт археологии РАН, Москва (Россия)

Аннотация: Статья посвящена важнейшему аспекту древнегреческой религии – организации ритуальных действий и жертвоприношений божествам.

Ключевые слова: Античность, эллинская религия, ритуалы, культ, жертвоприношение, святилище.

*Я бы хотела посвятить эту статью моему любимому учителю –
Андрею Ивановичу Попову*

Проведение религиозных ритуалов являлось неотъемлемой частью отправления культа в Древней Греции. Например, на проведение религиозных праздников в Афинах в год уходило около семидесяти полных дней [1, Р. 102]. Отношение эллинов к религиозным праздникам выражено в речи оратора Элия Аристиды (XXX. 4): «*Нам предстоит справлять празднества в честь Диониса, Афродиты и прочих богов. Мы будем совершать возлияния, приносить жертвы, петь пеаны и постараемся ничего не упустить из того, что повелевает нам благочестие*».

Можно сказать, что греческая религия была «ритуализированной». Ритуальные действия сопровождали все важные полисные дела: так, например, сбор народного собрания в Афинах начинался с жертвоприношения.

Тремя важными формами поклонения божеству и связи с ним в Древней Элладе были: молитва, жертвоприношение и приношение вотивных даров [2, S. 11]. В структуру греческих религиозных ритуалов также были включены процессии, танцы, музыкальные и спортивные соревнования [3, S. 44].

Молитва одному или сразу нескольким божествам произносилась в начале и конце дня вместе с возлияниями до и после приема пищи, кроме того, молитвами сопровождалась все важные дела в течение дня и, конечно же, с молитвы начиналось любое ритуальное действие в святилище, в том числе, и жертвоприношение [4, Р. 328]. Молитва чаще всего произносилась стоя с поднятыми к небу руками. В честь богов во время религиозных ритуалов и праздников эллины пели культовые гимны, которые следует отличать от гимнов, исполняемых рапсодами. Культовые гимны исполнялись от второго лица и адресовались непосредственно божеству [5, Р. 87; 6, Р. 129–130].

Именно поэтому важными участниками любой культовой церемонии в Элладе были музыканты, которые участвовали в ритуальных процессиях, музыкальных агонах, театральных представлениях (о театрах, функционировавших при святилищах см.: [7, Р. 107–127], играли перед жертвоприношениями (Xen. Hell. IV. 3. 21), развлекали участвующих в симпозиисах и т.д. Обязательной частью ритуальной процессии было исполнение просодий [8, Р. 144; 9, S. 139–144]. С эллинистического времени известны случаи, когда знаменитые музыканты давали в святилищах концерты как посвящение божеству

[8, Р. 91–92].

Важным элементом эллинского ритуала были процессии, которые предшествовали жертвоприношению. Ритуальные процессии часто изображались на расписных сосудах, начиная с середины VI в. до н.э., а также на посвященных рельефах, что сделало возможным исследователям восстановить их ход [10, S. 7. Kat. № OZ1 – OZ93. Taf. 1–17]. В них принимали участие канефоры – девушки, несущие на головах корзины со священной утварью для жертвоприношения, музыканты, жрецы и прочие участники жертвоприношения, которые сопровождали жертвенное животное к алтарю [11, S. 151; 12, Р. 13–14]; мотив процессии нередко изображался на посвященных рельефах и в вазописи: [13, Abb. 12a, 12b, 13a, 13b]. Ф. Граф выделяет два типа процессий: центристическую, проходящую в черте города (*centripetal*) и центробежную (*centrifugal*), направляемую к загородным святилищам и имеющую цель связать отдаленные святилища с городом [14, Р. 57–61].

Жертвоприношение в древнегреческой религии было главным аспектом большинства ритуалов и, прежде всего, служило цели общения людей и божеств. Жертвоприношения являлись дарами божествам, в ответ на которые люди ожидали даров от божеств [15, Р. 52; 16, Р. 49].

Традиционно жертвоприношения делят на частные и публичные. Частные жертвоприношения могли проводиться как дома главой семейства, так и жрецом в публичном месте (Xen. Memorabilia I. 1. 2). В противоположность частным жертвоприношениям, совершаемым частными лицами в личных целях, общественные жертвоприношения совершались представителями полисов, дем, триттий, родов и фратрий [17, Р. 11]. Соответственно, количество жертвенных животных, приносимых божествам на публичных жертвоприношениях, было несравнимо большим, чем на частных. Сохранились некоторые календари жертвоприношений, в которых, кроме прочего, перечислялось количество жертвенных животных, приносимых божеству в определенный месяц (например, см. аттические и косские календари: SEG. 21. 527; SEG. 21. 541; SEG. 33. 147; IG. II². 1358; IG. II². 1496; Heilige Gesetze von Kos. 1, 1a, 2, 3, 4 и др.).

Ученые выделили некоторые схожие черты в проведении жертвоприношений в Древней Греции и ее колониях, основываясь по большей части на сведениях, почерпнутых из письменной традиции (Hom. Od. III. 430–463) и вазописи.

В принципе, любое приношение божеству расцени-